

УДК 94(470.6)»1917/1991»

ББК 63.3(235.7)6

Ч — 92

С.А. Чупрынников,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории, политологии и социальных коммуникаций Кубанского государственного технологического университета, г. Краснодар, тел.: 8-918-499-55-74, e-mail: chuprynnikov@mail.ru

Северо-Кавказские профсоюзы в социально-производственной сфере в 1930-е годы

(Рецензирована)

Аннотация. В статье раскрывается деятельность северокавказских профсоюзов в укреплении дисциплины труда, формировании советской системы колхозной торговли, борьбы с беспризорностью и преступностью, пенсионном обеспечении, формированию нового быта в условиях мобилизационной модели развития общества. Делается вывод о подчиненности профсоюзов государственной машине, потеря ими самостоятельности.

Ключевые слова: профсоюзы, производство, мобилизационная система, дисциплина, партийный диктат, самостоятельность, подчиненность, культурный уровень.

S.A. Chuprynnikov,

Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of History, Political Science and Social Communications, the Kuban State University of Technology, Krasnodar, ph.: 8-918-499-55-74, e-mail: chuprynnikov@mail.ru

North-Caucasian trade unions in social and industrial sphere in the 1930s

Abstract: This paper discusses the activities of North-Caucasian trade unions in strengthening labor discipline, the formation of the Soviet system of collective farm trade, the fight against homelessness and crime, pension system, and the formation of a new life in a mobilization model of the society development. It is inferred that the trade unions are subordinated to the state machine and lose their independence.

Keywords: trade unions, production, mobilization system, discipline, party dictatorship, independence, subordination, the cultural level.

Сегодняшние российские профсоюзы не являются, на наш взгляд, полноценными, действенными акторами в складывающейся системе социально-политических и экономических отношений.

Проблема не только в нынешнем российском трудовом законодательстве и законе о профсоюзах, по которым профсоюзы из «приводных ремней» превратились в бесправных «переговорщиков». Они лишены права выдвигать требования и объявлять забастовку без одобрения общим собранием или конференцией всех работников. Запрещены забастовки солидарности и тем более забастовки с политиче-

скими требованиями, даже по поводу важнейших экономических и социальных проблем (также как в «Высочайше утвержденных Временных Правилах об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г.). В части первой статьи 413 ТК РФ установлен широкий перечень случаев, когда не допускается проведение забастовок.

К тому же, сегодня профсоюзы лишены такого мощнейшего оружия, как право угрожать собственнику серьезным экономическим ущербом в случае нарушения основных прав наёмных работников.

Проблема состоит так же и в самой либерально-монетаристской кон-

цепции развития современного российского общества, которая не создает прочного идеологического фундамента, обеспечивающего стратегию развития и устойчивого роста, несмотря на всевозможные санкции. Именно развития и устойчивого роста, а не «оптимизации», «реструктуризации», «импортозамещения», подготовки «профессиональных потребителей» и т.п. «вербальных инноваций». К тому же ныне отчетливо видно, что отношение к России со стороны международного «цивилизованного сообщества» складывается недружественное, и даже уничижительное (те же санкции). Цель западной политики сначала развалить, а затем встроить Россию в чуждую (западную) систему ценностей и ценностных ориентаций, навязать несвойственные её жизнеустройству политические, идеологические стандарты и правила. Это стандарты и правила общества потребления, которым Россия никогда не была, да и не может быть, исходя из своего социального-гуманитарного ресурса, менталитета и тысячелетнего исторического развития как государства идеократического.

Поэтому интересным представляется опыт деятельности советских (РФ — все же правопреемник СССР — прим. авт.) профсоюзов в социально-производственной сфере в 1930-е годы, в условиях жесткого «социалистического прессинга», в период сталинской мобилизационной модели развития общества (от экономики до идеологии), когда ставка делалась на собственное производство и приоритет отдавался собственной промышленной, социально-политической, культурной, идеологической «продукции».

Алгоритм развития советского государства в 1930-е гг. был направлен на реализацию проекта, о котором говорил И.В. Сталин еще на XIV съезде ВКП(б): «Мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития как её подсобное предприятие, чтобы наше

хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мирового капитализма, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся главным образом на внутренний рынок...»[1] (не правда ли, как актуально для сегодняшнего дня? — прим. авт.). Под это были заточены все сферы, все госструктуры и общественные организации, и в том числе, профсоюзы.

В 1930-е гг. меняются приоритеты в деятельности профсоюзов. Они «убираются» с политического поля (культурно-просветительная работа, в которой много было политической составляющей, становится не основной сферой их деятельности, этим стали заниматься государственные структуры, а профсоюзы — культурно-массовой работой, даже сам сектор в руководящих профорганах теперь не культурно-просветительной работы, а культурно-массовой) и начинают переориентироваться на «естественные», свойственные, хотя и рутинные для них функции. В социальной сфере им были переданы рычаги улучшения жизни трудящихся (и прежде всего рабочего класса) — государственное социальное страхование, дома отдыха и санатории, детские оздоровительные учреждения, контроль за осуществлением законов об охране труда и техники безопасности, а в производственной сфере — организация социалистического соревнования, выполнение промфинпланов, ликвидация прорывов, займы и т.п.

Производственный вектор хорошо прослеживается, например, в плане первоочередных работ бюро Краснодарского ГК ВКП(б) от 11 августа 1930 г., по которому профсоюзы (ГСПС) назначались (именно назначались — прим. авт.) ответственными за вопросы промышленности, строительства, транспорта, финансов. В частности, в §8 за профсоюзами закреплялась «разработка первоочередных мероприятий по ликвидации прорывов в выполнении промфинпланов промышленными, транспортными и строительными организациями», в §10 «проработка промфинпланов», в §12 «ход подписки на заем «Пятилетка в четыре года»,

вопросы помощи деревне. А вот вопросы культпросветработы оставались за горсоветом [2]. В последующие годы в производственной сфере профсоюзы занимаются в большей степени «идеологическим обеспечением» проектов: «организуют», «разъясняют», «мобилизуют», «поднимают» и т.п. [3].

В 1933 г. происходит слияние профсоюзов с органами труда (государственной структурой), то есть, по сути, центр тяжести работы профсоюзов перемещается в «естественную» сферу — сферу трудовых отношений, хотя это подтверждает и факт дальнейшего процесса огосударствления профсоюзов.

В Северокавказском крае 2 сентября 1933 г. на заседании бюро крайкома ВКП(б) было принято решение в связи с соединением с органами труда создать при крайсовпрофе дополнительно к существующим отделам отделы охраны труда, социального страхования, управления домами отдыха, санаториями и курортами, спецотдел. На местах рекомендовалось произвести слияние, не допуская изъятия средств, имущества, кадров, находящихся в ведении органов труда и соцстраха [4]. В дальнейшем крайсовпроф принял постановление «О функциях, структуре КСПС в связи с слиянием Наркомтруда с ВЦСПС».

16 августа 1933 г. принимается постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «О сокращении отчислений с заработной платы рабочих и служащих» и постановление Президиума ВЦСПС от 31 августа 1933 г. «О мероприятиях профсоюзов в связи с сокращением членских взносов в союз с 2% до 1%».

Принятие этих постановлений (в первую очередь первого) было продиктовано непомерными сборами и принудительными удержаниями с зарплаты рабочих в различные общественные организации, на различные мероприятия, распространение лотерейных билетов, марок, открыток и т.п. На ряде краснодарских предприятий, например, они достигали 20-40 процентов [5].

Кроме сокращения членских взносов, устанавливалось, что каждый мог быть членом нескольких добровольных обществ, но платить членские взносы обязан был не более, чем в 2-х по выбору и категорически запрещалось кассам магазинов, железных дорог, пароходств, почты, театров, кино и др. производить обязательное (принудительное, в виде сдачи — прим. авт.) распространение среди рабочих лотерейных билетов, жетонов, марок, открыток.

В 1930-е гг. в производственной сфере промышленность, ориентированная на выпуск собственной и, самое главное, качественной продукции требовала технической грамотности не только ИТРовцев, но и самих рабочих.

В эти годы возникает и получает широкое распространение Общество за Овладение Техникой (ОЗТ). Организация и его работа — непосредственная функция и забота профсоюзов. Для этого на каждом предприятии и в организациях создаются ячейки общества, столы технической консультации, организуется техучеба, с последующей сдачей экзаменов, в профсоюзных клубах проводятся «техбои» между заводами, промышленными предприятиями, на организационном уровне проводятся городские смотры, конференции. Профсоюзы в своей производственно-массовой работе нацеливают рабочие массы на овладение технической грамотностью, быть технически неграмотным — значит не понимать сталинского призыва «Лицом к производству» и следовательно быть, по крайней мере, несторонником социалистического переустройства, если не врагом.

С началом коллективизации профсоюзы активно участвуют в такой новации, как организация советской колхозной торговли (Именно такое определение давалось в решениях октябрьского 1931 г. Пленума ЦК ВКП(б) и XVII партконференции — прим. авт.). Ее внедрение происходило с трудом. В первой половине 1932 г. «вплотную к развертыванию колхозной торговли подошли только 35 районов Северо-Кавказского края» [6].

Для исправления положения постановлением Северокавказского крайколхозсоюза от 17 марта 1932 г. в годовые производственно-финансовые планы колхозов вводился дополнительный подраздел «Советская колхозная торговля», а все райоблколхозсоюзы обязывались обеспечить развертывание торговых точек и систематическую торговлю без перебоев [7]. В этом же постановлении в §8 было записано: «Просить КСПС дать по своей линии директиву об оказании по линии профсоюзов на местах помощи колхозной системе в деле развертывания торговли путем посылки рабочих бригад для перенесения торгового опыта» [8].

Особая роль в этом деле отводилась союзу госторговли и кооперации. По его линии предполагалось организовать постоянное шефство образцовых магазинов над колхозными ларьками, создать бригады для разъяснительной работы среди колхозников, оказать им практическую помощь в вопросах учета и отчетности, открыть юридические столы для справок и краткосрочные курсы, провести специальные «десятидневки» по развертыванию колхозной торговли. 30 апреля 1932 г. в Новороссийске и 1 июня 1932 г. в Краснодаре проводятся первый колхозный базар и первая колхозная ярмарка.

К концу августа 1932 г. в Северокавказском крае было открыто 104 колхозных лавки и 916 ларьков, в Краснодарском районе — 8 колхозных лавок, 21 ларек и 1 базар [9].

Однако вся эта работа носит кампанейский, а нередко разовый, «организованно-директивный» характер. Показательным в этом отношении является постановление Майкопского райсовпрофа от 13 июня 1932 г. В нем для развертывания колхозной торговли райсовпроф «обязывает горторг, сельпо, райпотребсоюз и промкооперацию (!) организовать не менее 5 ларьков каждый, обеспечив (прим. авт.) их продукцией» [10]. Вот такая колхозная торговля. Более того, райсовпроф просит райснаб установить жесткий контроль над ценами, не до-

пуская нарушения колхозниками среднерыночных цен, что противоречило постановлению ЦИК и СНК СССР от 29 мая 1932 г. «О порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян и уменьшении налога на торговлю с/х продуктами». В это же время аналогичное решение, обязывавшее ряд предприятий (коммунстрой, союзтабак, тракторные мастерские, кирпичный завод, «Плавстрой» и др.) «обеспечить содействие в открытии колхозных ларей», а горсовпроф обеспечить культобслуживание приезжающих на базар, принимает Краснодарский ГК ВКП(б) [11].

В последующие годы основное внимание уделяется ставшим «нормой» злоупотреблениям: незаконные поборы с приезжающих со своими подводами колхозников и единоличников, спекуляция, отсутствие элементарных удобств — ночлег, чайная, водопой лошадей и т.п. По этим и другим подобным вопросам Краснодарский ГК ВКП(б) в мае 1935 г. принимает постановление «О базарах», в котором обязывает советские органы и общественные организации, прежде всего профсоюзы «обеспечить быстрое рассмотрение дел за спекуляцию, запретить какое бы то ни было взимание платы за анализ продуктов, запретить кому бы то ни было оптовую закупку продуктов на базарах, взимание каких бы то ни было разовых сборов» [12].

В 1930-е гг. годы в СССР на уровне высших партийных, правительственных и профсоюзных органов был принят и реализован ряд довольно жестких постановлений по укреплению трудовой дисциплины в производственной сфере (Положение Наркомтруда РСФСР от 11 ноября 1932 г. за номером 36 «О табельном контроле явки на работу»; Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. «Об увольнении за прогулы без уважительных причин»; Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования

и борьбе с злоупотреблениями в этом деле»; Указы Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и от 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленности предприятиями»), которые сегодня либеральной общественностью и либеральным научным сообществом с надрывом определяют как яркие, крайние проявления «бесчеловечного» тоталитарного, советского, сталинского режима. Однако, если их рассматривать в контексте конкретной исторической ситуации, то они представляются прагматичными и рациональными [13]. В их реализации профсоюзам была отведена одна из главных ролей.

Сегодня по прошествии семидесяти пяти лет принятие этих законов представляется понятным (по крайней мере для вменяемой части российского социума, не замороженного «международно-признанными правами» — прим. авт.). Для решения задачи преодоления отставания от экономик Запада такой подход был не только оправданным, но в тех условиях, пожалуй, и единственно верным. Но вот что касается советских граждан того времени, накануне великой войны, то, судя по архивным документам, это было понятно далеко не всем [14].

По-настоящему все эти Указы, особенно от 26 июня 1940 г. и от 10 июля 1940 г., заработали только после 22 июня 1941 года.

На местах их реализация с уточнениями следовала незамедлительно. Так, например, во исполнение Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. СевКавтруд 8 декабря 1932 года принял циркуляр «О мероприятиях по борьбе с неуважительными прогулами», в котором детально прописал его реализацию, а выполняя Указ от 26 июня 1940 г., Краснодарский горисполком принял

решение «об установлении времени занятий в учреждениях, находящихся на территории г. Краснодара» с 9.00 до 17.30 и перерывом 30 мин. [15], а крайисполком установил «помимо воскресенья считать нерабочими днями только 22 января, 1-2 мая, 7-8 ноября, 5 декабря» и отменил существовавшие в сельской местности края шесть особых дней отдыха, в том числе и религиозных [16].

В 1930-е гг. в социальной сфере одними из самых острых вопросов были вопросы детской беспризорности и преступности. Наиболее тяжелое положение сложилось в 1932-1933 гг. Вот как характеризовалась ситуация, а она была типичной, в краснодарском детприемнике №1: «Вши, клопы, администрация (заведующая) ничего не делает» [17]. Оставалась в стороне и общественность города, «отдельные организации к делу помощи детям относятся бюрократически», то есть никак. Для привлечения внимания к этой проблеме партийные органы г. Краснодара обязывают профсоюзы через газету «Красное Знамя» «организовать на всех предприятиях, учреждениях, ВУЗах обсуждение вопроса помощи детям, заботы о детприемнике, создать общественное мнение вокруг борьбы с беспризорностью и безнадзорностью» [18].

В августе 1933 г. Краснодарский ГК ВКП(б), рассмотрев вопрос о детдомах, принимает решение всех детдомовских детей старше 14-ти лет передать колхозам, возложив на последние ответственность «за воспитание и материальное обеспечение детей», детей школьноговозраста из детдомов перевести в пришкольные интернаты и привлечь к патронированию все общественные организации, в первую очередь, комсомол и профсоюзы [19]. Кроме этого, сокращались штаты общества «Друг детей» и освободившиеся средства направлялись на непосредственную помощь детдомам, а все детские учреждения вводились с 1 января 1934 г. в бюджет РИКа (райисполкома) [20].

В декабре 1933 г. вновь рассматривается этот же вопрос, так как в ряде

станций и колхозов Краснодарского района сложилось «нетерпимое, бюрократическое, хамское отношение к детям в детских домах». Были сняты с постов заведующий районо, заведующий райздравотделом, объявлены выговоры председателям ряда стансоветов, а председатель одного из колхозов предан суду. Председателям всех стансоветов было «предложено» строжайше следить за тем, «чтобы колхозы вовремя и полностью обеспечивали причитающуюся с них долю продовольствия для детдомов и ясель и установить, как правило, что колхозы обязаны выдавать свою долю продовольствия детдомам и яслям из расчета минимум на один месяц» [21].

К середине 1930-х гг. положение несколько улучшилось и оказание материальной помощи детдомам со стороны предприятий и организаций становится нормой. Профсоюзы принимают в этом деле самое деятельное, непосредственное участие.

Так, Президиум Азово-Черноморского крайсовпрофа в феврале 1936 г. выделил из своих средств Ростовскому детдому им. Сталина 1500 руб. для приобретения библиотечки, шкафа для книг, струнных инструментов и ремонта радиоустановки и предложил всем ФЗМК и КК союзов «выработать мероприятия по оказанию единовременной помощи одному из детдомов или детприемников» [22]. А краснодарские предприятия и организации после обращения Краснодарского ГСПС и профактива ко всем Азово-Черноморским профорганизациям от 29 августа 1935 г. по выполнению Июньского 1935 г. постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности оказали конкретную помощь детдомам: детдому №2 пожарники отремонтировали все печи, а шефы передали большое количество продуктов: свежих овощей, фруктов, солений, свиней, кур, соленой рыбы, картофеля и т.п., 200 кг. керосина, 1 тыс. кирпича, 50 стульев, 4 стола и 5877 руб. 90 коп наличных; детдому №4 рабочие завода им. Седина сделали из отходов своего производства

30 хороших кроватей, вспахали огород, организовали субботник и передали заработанные средства, а работницы завода сшили сами для детей 60 пар верхнего белья, 35 пар нижнего, 15 наволочек; детдому №1 шефы (шорно-сидельная фабрика, пуговичная фабрика, отделение техжиркома и др.) передали 4 стола, 80 пар ботинок, 80 пар чупак, 60 стульев, более 100 тарелок и чашек, занавески, наволочки, простыни и большое количество продуктов из урожая своих пригородных хозяйств [23].

Что касается борьбы с преступностью, то, например, 22 мая 1934 г. Президиум Краснодарского ГСПС рассмотрел вопрос «О борьбе с хулиганством и преступностью в городе» и вынес решение: «1. Считать необходимым привлечение широких масс к борьбе с развивающейся преступностью и хулиганством; одобрить план организации бригад содействия милиции на предприятиях города. 2. Предложить ФЗК немедленно приступить к их организации. 3. На очередном заседании Президиума поставить доклад начальника милиции «О мероприятиях по борьбе с хулиганством и уголовной преступностью и участию в этой борьбе профорганизаций» [24].

Однако в последующие годы вопрос преступности, особенно детской, остается не только нерешенным, но и обостряется. На VIII пленуме Краснодарского ГК ВКП(б) 27 ноября 1939 г. отмечалось, что проблемы детского хулиганства, безнадзорности и беспризорности стоят очень остро. Только за август-сентябрь 1939 г. в Краснодарском крае изъяли с улиц 1452 детей, из них беспризорных — 572, безнадзорных — 880 [25].

В середине 1930-х гг. отменяется карточная система (Постановление СНК РСФСР от 7 декабря 1934 г. «Об отмене карточной системы по печеному хлебу, муке, крупе и системы отоваривания технических культур») и секретариат ВЦСПС принимает постановление о повышении с 1 января 1935 г. пенсий по социальному страхованию.

Профсоюзы занимаются вопросом назначения пенсии и снятия с нее.

Причем это становится основным вопросом на заседаниях крайоблгоспрофсов. Так, на заседании президиума Краснодарского ГСПС от 22 декабря 1935 г. было рассмотрено 37 вопросов о снятии с пенсии и 21 о назначении её. Снятие происходило, как правило, по социально-классовому признаку («бывший торговец, торговка», «имел собственную парикмахерскую, пекарню, свое хозяйство», «сын кулака», «чуждый элемент» и т.п. — прим. авт.) или за отсутствие трудового стажа по найму. Назначение пенсии — с точностью до наоборот (красноармеец, красный партизан и т.д. — прим. авт.).

Важным событием как в производственной, так и в социальной сферах стала начавшаяся в январе 1939 г. кампания выдачи трудовых книжек, в которой профсоюзы приняли самое активное участие (Постановление СНК СССР «О введении Трудовых книжек» от 20 декабря 1938 г.). Краснодарская краевая газета «Большевик» так сообщала об этом событии: «На Кропоткинском маслоэкстратном заводе в торжественной обстановке лучшим стахановцам и старым кадровым рабочим были вручены Трудовые книжки. Первым получил трудовую книжку Д.Н. Демиденко, лучший рушил завода. Трудовые книжки получили 40 лучших стахановцев и старых кадровых рабочих. На заводе Седина началась подготовка к выдаче: уже заполнено около 1 тыс. трудовых книжек. Крайметаллпромсоюз получил 185 Трудовых книжек и приступил к их оформлению. Краснодарский варенье-варочный комбинат получил Трудовые книжки на всех рабочих» [26].

Знаковым для работы профсоюзов в социальной и производственной сферах стало Постановление VIII Пленума ВЦСПС от 29 апреля 1939 года. По нему профсоюзы обязывались улучшить работу советов и комиссий социального страхования, установить повседневный контроль над правильностью назначения и выдачи пособий по временной нетрудоспособности (по больничным листам) и привлекать к ответственности лиц, виновных в на-

рушении размеров пособий, установленных в вышеназванном постановлении ЦК ВКП(б), СНК СССР, ВЦСПС от 28 декабря 1938 года. В целях борьбы за правильную организацию заработной платы, повышение производительности труда признано было необходимым объединение отделов производственно-массовой работы и отделов заработной платы в ВЦСПС и соответствующих комиссиях при ФЗМК и МК. Наркомздрав должен был отчитаться о мерах, принимаемых к врачам, выдающим больничные листы прогульщикам и симулянтам.

К концу 1930-х годов произошли фундаментальные, качественные изменения в жизни и жизнедеятельности простого человека. Приведем слова из воспоминаний Д.И. Боюна, колхозного счетовода станицы Анастасиевской Славянского района в заметке «Новая станица» о переписи 1897 г.: «Было две школы: одна «министерская» — для казаков, а другая церковно-приходская для иногородних. Сейчас в станице и окружающих хуторах 10 школ. Появились невиданные при царском режиме специальности: трактористы, комбайнеры, агрономы. В станице около 100 человек имеют среднее образование (а тогда 10-15 человек — прим. авт.)» [27].

Об этом же говорил спустя два месяца на XVIII съезде ВКП(б) секретарь Краснодарского КК ВКП(б) И. Селезнев: «... Появились новые профессии в колхозной станице (Краснодарского края): свыше 25 тыс. трактористов, 6 тыс. комбайнеров, 3 тыс. бригадиров тракторных бригад, свыше 4 тыс. шоферов» [28].

Еще один штрих качественно нового в жизни трудящихся — воспитание, как бы сегодня сказали, финансовой культуры населения, особенно сельского, через широкое, массовое привлечение его (нередко принудительное — прим. авт.) к хранению денежных средств в сберегательных кассах. «Храните деньги в сберегательной кассе» или «Кто куда, а я в сберкассе» — это не просто иронически-удачная риторика 1920-1930-х гг., а качественная

черта в формировании нового человека. На профсоюзы была возложена функция популяризации и внедрения этой новации. К концу 1930-х гг. это становится естественной нормой. Кстати, это свидетельствует и о том, что во второй половине 1930-х гг. улучшилось и материальное положение людей. Так, к 1 апреля 1939 г. сумма вкладов, хранящихся в сберегательных кассах СССР, достигла 6,5 млрд. руб. Особенно быстро увеличивались вклады в сельские сберкассы. За январь— март 1938 г. сумма вкладов в сберкассы на селе увеличилась на 96,6 млн. руб., а за тот же период 1939 г. на 128,8 млн. руб. Общее количество вкладчиков в 1939 г. — 16 млн. чел. [29].

Изменения происходят и в бытовой сфере. То, что раньше было нормой в бытовой культуре и гигиене исключительно интеллигенции, становится естественной неотъемлемой частью быта и простого крестьянина-колхозника. Примечательна в этом отношении информация в газете «Большевик» от 15 ноября 1939 г. «Парфюмерия прочно вошла в быт колхозников»: «В прошлом году (1938 г. — прим. авт.) в станицах Кубани было продано одеколонов, духов, туалетного мыла и т. п. на 7 млн. руб., а за 9 мес. этого года на 10 млн. 427 тыс. руб. Кроме этого продано 3700 тонн хозяйственного мыла. До конца года будет завезено в сельские местности товаров парфюмерии еще на 2 млн. руб.» [30].

Другими становятся и материально-технические ценности. У колхозников в личном пользовании — мотоциклы, велосипеды, патефоны, карманные часы [31].

Кардинально изменился и культурный уровень. «Стали люди культурнее жить, выросли колхозники. ... В комнатах чисто, одеваются чисто, посещают собрания, ходят на производственные совещания» [32]. «Колхозная аудитория» на проводящихся в колхозах Днях науки теперь задает такие вопросы: «Какая разница между тихоновской и обновленческой церковью?» или «В чем заключается вредительская работа папы римского, его участие

в подрывной работе фашистских разведок?», а не как раньше «почему красят яйца на пасху?».

Изменяется и облик городов. Краснодар — теперь столица советской Кубани (так он обозначается в средствах массовой информации, прежде всего в газетах) с 203 946 жителями. Если до революции на каждом перекрестке — церкви как основной социально-культурный объект (их было 30), то в 1939 г. « в городе 19 детских яслей, дом младенца на 70 коек, 10 НИИ (до революции их не было), в которых 659 научных работников, в том числе 59 профессоров, 18 клубов, Дворец пионеров, Дом Красной Армии, 7 летних и зимних кинотеатров, драмтеатр, театр музыкальной комедии, 55 киноустановок, 184 специализированных и массовых библиотек, 3 многотиражки с 3-мя тыс. экз., две краевые газеты (их тираж 80 тыс. экз.), трудящиеся города ежедневно получают 37 тыс. газет (это — подписчики — прим. авт.) и ежемесячно 19 119 журналов, 14 058 радиоточек и около 3 тыс. любительских радиоприемников, 752 магазина, ларька и киоска, товарооборот в них в 1938 г. — 290,7 млн. руб., а товарооборот в общественном питании — 31,6 млн. руб. [33].

Предполагалось и его дальнейшее переустройство. По генеральной схеме на ближайшие 15 лет город должен был «развиваться к северу от улицы Красно-Хуторской на 3-4 км. Предприятия с пониженной санитарной вредностью — у Старой Кубани, местная и не крупная промышленность — к северо-востоку от городской рощи. Узкоколейный трамвай заменится нормальным. Улицы будут расширены и застроены новыми домами в 2 и 4 этажа. На Набережную выйдут фасады здания горсовета и нового театра. На нынешней площади Сенного базара построят здания Дворца Советов, Дом пищевой промышленности, Дом профсоюзов, краевые управления наркоматов. Центральной улицей будет Октябрьская, ее расширят. На Карасунских озерах будет гидропарк [34].

1930-е гг. стали временем, когда был сделан коренной качественный

скачок в экономике и социальной сфере. На протяжении одного десятилетия общество прошло путь развития равный по насыщенности и кардинальности изменений нескольким десятилетиям размеренного хода истории.

Профессиональным союзам, ставшим мобилизационными учреждениями государства, удалось организовать творческую инициативу масс, направив ее на реализацию советского варианта социализма. Будучи встроенными в политическую систему как «приводные ремни» от партии к массам и, послушно выполнявшие большие и малые установки партийных комитетов, они оказались «в нужном месте в нужное время», да еще и с деньгами (на пленуме Краснодарского ГК ВКП(б) 27 ноября 1939 г. секретарь горкома Гончаренко, говоря о возможности найти финансы для постройки парашютной вышки, указывал: «У нас очень много денег у профсоюзных организаций» — прим. авт. [35]). И в эти же годы партийно-государственная машина подмяла их под себя: они окончательно потеряли самостоятельность, «стали какими-то придатками к массовым организациям, а не их руководящим центром» [36].

Профработа становится непрестижной. Наблюдается большая текучесть кадров профработников, которая порой превышает текучесть рабочих на предприятиях. В середине 1930-х гг. имели место хаос и неразбериха в выдаче профбилетов, волокита при приеме новых членов союзов, некоторые не знали, членом какого союза они являются и на вопрос «какую роль играет профсоюз в их жизни, отвечали — плачу взносы», поэтому — задолженность по взносам (рабочие нередко говорят «а какая мне польза от взносов» — прим. авт.), плохо осваивались деньги, выделяемые на организацию охраны труда, быта, детских яслей, площадок. Встал даже вопрос об отобрании у профсоюзов функции по охране труда. Организационные мероприятия профсоюзов, профсоборания, отчеты проводятся формально, «между прочим», «для галочки». Так, газета

«Красное Знамя» в 1936 г. в заметке «Профорг отчитался за 13 минут» сообщила, что в ФЗУ завода Седина отчет профорга Жабко заслушали в обеденный перерыв [37].

Аналогично стали относиться к профсоюзам и их работе и руководящие партийные органы. На 6-й Краснодарской горпартконференции 22 мая 1937 г. в выступлениях (Орлов) отмечалось: «т. Сапов (секретарь ГК ВКП(б) — прим. авт.) в своем докладе, несмотря на то, что имел времени больше 3-х часов, ни слова не сказал о профсоюзной работе. Этот участок совершенно забыт и ГК и РК. Мы имеем ненормальные явления по профсоюзной работе» [38].

Почти через три года не изменилось абсолютно ничего и на VIII Краснодарской городской партконференции в марте 1940 года одна из выступающих (Косова) отмечала: «В докладе, длившемся 2,5 часа, секретарь горкома ни слова не сказал о работе профсоюзов. ...В газетах сообщается, что созывается торжественная сессия горсовета совместно с партийными, профсоюзными, комсомольскими организациями, однако частенько представителей профорганизаций на сессию не приглашают» [39]. А на краевой партконференции, проходившей в это же время, в отчетном докладе секретаря крайкома П.И. Селезнева раздел «Профсоюзы» — самый маленький — всего 26 строк (прим. авт.) в самом общем виде, хотя членов профсоюзов в крае по данным 39 райкомов насчитывалось тогда без малого 300 тыс., а профсоюзный актив — 43 тыс. [40].

Да и сама содержательная составляющая работы профсоюзов, несмотря на продекларированный поворот «лицом к производству», оставалась в большей степени воспитательной и идеологизированной. В передовой газете «Большевик» от 27 февраля 1939 года «Профсоюзную работу — на новую ступень» эта «новая ступень» определялась однозначно как идейно-воспитательная: «... профсоюзы должны ... воспитывать членов союза в духе любви и преданности к родине и ненависти к врагам народа» [41].

Примечания:

1. Сталин И.В. Сочинения. Т. 7. 1925. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1947. С. 298.
2. Центр Документации Новейшей Истории Краснодарского края (далее: ЦДНИ КК). Ф. 1072. Оп. 1. Д. 4. Лл. 7-9.
3. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 535. Лл. 118, 164.
4. Центр Документации Новейшей Истории Ростовской Области (далее: ЦДНИ РО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1323. Л. 18.
5. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 228. Л. 21.
6. Государственный Архив Ростовской области (далее: ГАРО). Ф. Р.-2287. Оп. 1. Д. 3648. Л. 2.
7. Там же.
8. Там же. Л. 3.
9. Там же. Л. 4, 5.
10. Там же. Л. 15.
11. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 263. Л. 9.
12. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 534. Лл. 25-26.
13. См. подробнее: Чупрынников С.А. Партийно-правительственные постановления по вопросам укрепления трудовой дисциплины в СССР в 1930-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2011. №5. С. 55-58; Чупрынников С.А. Политика Советского государства по укреплению трудовой дисциплины и улучшению качества продукции накануне ВОВ // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов н/Д, 2013. №2. С. 58-63.
14. Там же.
15. Большевик. 1940. 28 июня.
16. Большевик. 1940. 30 июня.
17. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 400. Лл. 25-27.
18. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 388. Лл. 41-43.
19. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 355. Л. 18.
20. Там же. Лл. 18, 19.
21. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 368. Л. 20; 413. Лл. 9-10.
22. ГАРО. Ф. Р.-2287. Оп. 1. Ч. 3. Д. 5907. Л. 31.
23. ГАРО. Ф. Р.-2287. Оп. 1. Ч. 3. Д. 5662. Лл. 1, 2, 11, 12.
24. ГАРО. Ф. Р.-2287. Оп. 1. Ч. 3. Д. 4821. Л. 40.
25. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 1163. Л. 46.
26. Большевик. 1939. 10 янв.
27. Большевик. 1939. 26 янв.
28. Большевик. 1939. 21 мар.
29. Большевик. 1939. 10 апр.
30. Большевик. 1939. 15 ноября.
31. Большевик. 1937. 17 декабря.
32. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 639. Л. 22.
33. Большевик. 1939. 27 ноября.
34. Там же.
35. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 1163. Л. 23.
36. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 850. Л. 474.
37. Красное Знамя. 1936. 16 окт.
38. ЦДНИ КК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 850. Л. 452.
39. Большевик. 1940. 11 марта.
40. Большевик. 1940. 14 марта.
41. Большевик. 1939. 27 февраля.

References:

1. Stalin I.V. Works. Volume 7. 1925. OGIZ. M.: State Publishing House of Political Literature, 1947, p.298.
2. The Documentation Centre of Contemporary History of the Krasnodar Territory (hereinafter: TSDNI KT). F.1072. List 1. D.4. L. 7-9.
3. TSDNI KT. F.1072. List1. D.535. L. 118.164.
4. The Documentation Centre of Contemporary History of the Rostov Region (hereinafter: TSDNI RR). F.7. List1. D.1323. L.18.
5. TSDNI KT. F.1072. List1. D.228. L.21.
6. The State Archive of the Rostov region (hereinafter: SIPA). FR-2287. List1. D.3648. L.2.

7. Ibidem.
8. Ibidem. L.3.
9. Ibidem. L. 4.5.
10. Ibidem. L.15.
11. TSDNI KT. F.1072. List1. D.263. L.9.
12. TSDNI KT. F.1072. List. D.534. L.25-26.
13. See. More details: Chuprynnikov S.A. Party and government regulations on the strengthening of labor discipline in the USSR in the 1930s. // Historical and socio-educational thought. Krasnodar, 2011. No.5, pp.55-58; Chuprynnikov S.A. Soviet policy on strengthening labor discipline and improvement of the quality of products on the eve of the Second World War // Proceedings of the higher education institutions. Northern Caucasus region. Social sciences. Rostov— on-Don., 2013. No.2, pp. 58-63.
14. Ibidem.
15. Bolshevik. 1940. June 28.
16. Bolshevik. 1940. June 30.
17. TSDNI KK.F.1072. List 1. D.400. L.25-27.
18. TSDNI KK.F.1072. List 1. D.388. L. 41-43.
19. TSDNI KK.F.1072. List 1. D.355.L.18
20. Ibidem. L. 18.19.
21. TSDNI KT.F.1072. List 1. D.368. L.20; 413.L. 9.10.
22. GARO. F.R.-2287. List 1. Part 3. D.5907. L.31.
23. GARO. F.R.-2287. List 1. Part 3. D.5662. L. 1, 2, 11, 12.
24. 24. GARO. .FR.-2287. List 1. Part 3. D.4821. L.40.
25. TSDNI KT.F.1072. List 1. D.368. L.20; 413.L. 9.10.
26. Bolshevik. 1939. January 10.
27. Bolshevik. 1939. January 26.
28. Bolshevik. 1939. March 21
29. Bolshevik. 1939. April 10.
30. Bolshevik. 1939. November 15.
31. Bolshevik. 1937. December 17.
32. TSDNI KT. F.1072. List 1. D.639. L.22.
33. Bolshevik. 1939. November 27.
34. Bolshevik. July 17, November 27.
35. TSDNI KT. F.1072. List 1. D.1163. L.23.
36. TSDNI KT. F. 1072. List 1. D.850. L.474.
37. Red Banner 1936. October 16.
38. TSDNI QC. F.1072. Op.1. D.850. L.452.
39. Bolshevik. 1940. March 11.
40. Bolshevik. 1940. March 14.
41. Bolshevik. 1939. February 27.